

Отношение между властью государственной и церковной в древней Руси до патриаршества Никона.

(Продолжение).

Церковные соборы московской Руси XVI и XVII столетий были одним из проявлений верховных забот наших благочестивых государей о церкви, о правильном течении всех церковных дел; церковный собор XVI и XVII века это — орган, при посредстве которого царь осуществлял свои верховные права и заботы о процветании православной веры и благочестия. Этим и определялись особые отношения московского царя к церковным соборам.

Все церковные соборы московской Руси XVI и XVII столетий всегда обязательно созывались только по особому повелению государя, без его согласия не могли состояться ни один собор ¹⁾.

---

¹⁾ В 1554 г. царь Иванъ Васильевичъ, въ грамотѣ къ Максиму греку, раскрывъ еретическія мнѣнія Башкина, пишетъ: „тѣмъ же убо умыслихъ сиче: да соберутся вси елици сущи обрѣтаются подъ областію моею. архіепископи же и епископи, архимандриты же и игумены и черноризци. иже въ благочестіи пребывающіи“ на соборъ, для осужденія Башкина (А. И. т. I, № 161, стр. 298). Въ соборной грамотѣ 1554 г. о бѣломъ клубкѣ, царь заявляетъ: „во всю свою область царскаго самодержства послахомъ къ сущимъ подъ областію святѣйшія русскія митрополія къ своимъ богомольцомъ, и повелѣхомъ снитися преосвященнымъ архіепископомъ, и епископомъ, и честнѣйшимъ архимандритомъ, и игуменомъ, и всему освященному собору“ (А. И. т. I, № 173, стр. 331) Или напри- мѣръ: „въ прошломъ во 168 (1660) году по божественному повелѣнію и (повелѣнію) благочестивѣйшаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея великія и малыя и бѣлыя Русіи самодержца. собралися преосвященный соборъ въ богохранимый царствующій градъ

Принявъ рѣшеніе созвать церковный соборъ, царь разсылалъ отъ себя особыя пригласительныя грамоты ко всѣмъ архіереямъ, съ предписаніемъ явиться въ Москву въ назначенное царемъ время. Безъ этого особаго царскаго приглашенія ни одинъ архіерей, только своею волею, ни подъ какимъ видомъ не смѣлъ явиться на соборъ. То же нужно сказать и о другихъ лицахъ, входившихъ въ составъ собора, какъ его члены, хотя приглашенія имъ шли не непосредственно отъ царя, а вѣроятно чрезъ одно изъ дворцовыхъ учреждений. Такимъ образомъ составъ членовъ собора всякій разъ зависѣлъ отъ воли и усмотрѣнія государя: являлись на соборъ только тѣ, кого онъ самъ приглашалъ или повелѣвалъ другимъ пригласить.

Мѣсто, гдѣ происходили засѣданія собора, назначалось царемъ. Обыкновенно дѣло въ этомъ отношеніи ставилось такъ: если на соборѣ присутствовалъ самъ государь, то соборныя засѣданія обязательно происходили въ царскихъ палатахъ въ средней, золотой и, такъ называемой, столовой избѣ; а если царь на соборныхъ засѣданіяхъ не присутствовалъ, то онѣ обыкновенно происходили въ такъ называемой патриаршей крестовой палатѣ. Только два раза: въ 1572 г. и при патриархѣ Филаретѣ Никитичѣ, соборы происходили въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ.

Всѣ большіе и важные соборы открывались обыкновенно самимъ государемъ, который по большей части лично присутствовалъ на соборныхъ засѣданіяхъ, хотя далеко не на всѣхъ. Нерѣдко на соборъ онъ являлся въ сопровожденіи

Москву, и свидомоя въ патриаршую крестовую палату митрополита, архіепископи и епископи“. Или: 21 декабря 1662 года государь, празднуя память московскаго митрополита св. Петра, задумываясь надъ судьбами вдовствующей русской церкви и о разныхъ церковныхъ нестроеніяхъ „изволилъ онъ, великій государь, учинити соборъ и писати о томъ ко вселенскимъ патриархомъ“, чтобы они пріѣхали въ Москву. „А къ своимъ государевымъ богомольцамъ, къ преосвященнымъ митрополитомъ, къ архіепископомъ и епископомъ указалъ послать свои государевы грамоты, чтобъ они къ тому жъ собору пріѣхали къ Москвѣ изъ дальнихъ городовъ марта къ 25 числу, а изъ ближнихъ маія къ 9 числу“. Тоже говорится и относительно собора 1666 года, т. е. что государь разослалъ по всѣмъ архіереямъ особыя посланія, которыми приглашалъ ихъ явиться въ Москву на соборъ (Гиббенета: Дѣло патр. Никона, т. I, стр. 242—243). (Матер. для ист. раск. т. II, стр. 60. Дѣло о патр. Никонѣ, стр. 53).

своихъ бояръ, окольныхъ и думныхъ людей, которые принимали участіе въ соборныхъ засѣданіяхъ наравнѣ съ другими членами собора. Если царь оставлялъ соборныя засѣданія, или вовсе на нихъ не присутствовалъ, то ихъ оставляли или на нихъ не присутствовали и бояре, окольные и думные люди. Присутствіе царя на „истинномъ“ соборѣ считалось почти обязательнымъ, такъ какъ оно придавало собору настоящую силу и авторитетность. Нероновъ на соборѣ 1653 года говорилъ Никону патріарху: „достойтъ истинѣ и благочестивому царю быти на семь соборѣ: понеже дѣло великое, Божіе и ево государево, и общее всѣхъ православныхъ христіанъ; а ими, благочестивыми и православными цари, всякъ глаголь вѣренъ бываетъ... Безъ нихъ же, благочестивыхъ государей, не состоится ничтоже, и вселенстн семь соборовъ благочестивыхъ царей имѣли, и въ пособіе и въ помощь призывали съ моленіемъ, понеже ихъ помощію и совѣтомъ вѣра христіанская утвердится. И нынѣ такоже симъ благочестивымъ нашимъ государемъ царемъ всякая истина утверждается и правовѣріе и въ руссійскомъ его государствѣ яко солнце сіяетъ“. Убѣждая царя созвать истинный соборъ, и указывая изъ кого онъ долженъ состоять, Нероновъ говоритъ: „тебѣ же, государю, яко превеликому столпу ту (на соборѣ) предсѣдѣти и всѣхъ зрѣти“¹⁾. Другой противникъ церковной реформы Никона, дьяконъ Ѳеодоръ, приглашаетъ царя стать на соборѣ безпристрастнымъ судьей между двумя сторонами, борящимися за старое и новое. „Аще не собереша государь, говоритъ онъ, всѣхъ насъ во единое (не о себѣ азъ глаголю, ничто же бо есмь), кои стоятъ за старое и кои за новое, и обохъ странъ словесъ самъ не услышиши: не познаешь, государь, истинны. Егда будетъ праведный между нами судія—или ты самъ, христіанская наша надежда, или кто вѣрный твой царевъ слуга въ тебе мѣсто, аще мы предъ твоимъ царскимъ лицомъ недостойны стати: тогда сн святія себе оправятъ и леть прогонятъ отъ церкви далѣе, да паки чиста явится церковная нива отъ соблазнъ!“²⁾. Соборное рѣшеніе, состоявшееся въ присутствіи царя, считалось окончательнымъ и

¹⁾ Матер. для ист. раск т. I, стр 66, 235—236.

²⁾ Матер для ист раск т. VI, стр 42—43.

неизмѣннымъ, не допускающимъ апелляціи и перерѣшенія, потому что „царское осужденіе суду не предлежитъ и не пресуждается“ ¹⁾. Тогда какъ недовольный рѣшеніемъ собора, на которомъ царь не присутствовалъ, всегда могъ апеллировать къ новому — большому собору, который обязанъ былъ вновь пересмотрѣть дѣло и могъ поставить по немъ иное рѣшеніе.

Состоявшіяся на соборѣ тѣ или другія постановленія получали обязательную силу закона и вводились въ церковную практику не иначе, какъ только послѣ просмотра и одобренія ихъ царемъ, который привѣшивалъ къ нимъ свою печать или скрѣплялъ ихъ своею подписью, безъ чего соборныя постановленія, сами по себѣ, не имѣли никакой силы. Въ большинствѣ случаевъ сами государи рассылали потомъ въ разныя мѣста и установленія соборныя постановленія въ формѣ своихъ указовъ и распоряженій.

Такимъ образомъ вся виѣшняя, такъ сказать техническая сторона московскихъ церковныхъ соборовъ XVI и XVII столѣтій, исключительно зависѣла отъ царя: онъ былъ инициаторомъ соборовъ и безъ его согласія они не могли состояться; онъ опредѣлялъ время и мѣсто соборныхъ собраній, составъ и количество лицъ, засѣдающихъ на соборѣ, онъ открывалъ соборныя засѣданія, утверждалъ состоявшіяся соборныя постановленія, придавая имъ силу закона и потомъ заботился о проведеніи ихъ въ жизнь, съ помощію своихъ царскихъ указовъ и распоряженій.

Государь, рѣшивъ собрать церковный соборъ, естественно долженъ былъ прежде всего позаботиться приготовить и извѣстнымъ образомъ предварительно обработать тотъ матеріалъ, надъ которымъ потомъ долженъ былъ оперировать соборъ. Отцы Стоглаваго собора объ этой предварительной предсоборной дѣятельности государя говорятъ слѣдующее: „нѣкогда вниде въ слухи боговѣнчаннаго и христоролюбиваго царя и государя великаго князя Ивана Васильевича всея Руси самодержца, что по многимъ святымъ Божиимъ церквамъ звонятъ и поютъ не во время, кромѣ божественнаго устава, и многіе церковныя чины не сполна совершаются по священнымъ божественнымъ правиломъ, и не по уставу.

¹⁾ Макарія: Ист. рус. церкви т VI, стр 146, примѣчаніе

Онъ же, боголюбивый царь, о томъ таковая слыша, не просто вмѣни, но разжеся Духомъ святымъ, *вскорѣ повелѣ исписати о тѣхъ многоразличныхъ церковныхъ чинехъ*, которые не по уставу и несполна по священнымъ правиломъ совершаются и *вдасть на соборъ отцу своему Макарію митрополиту* всея Русіи. и повелѣ ему о всѣхъ тѣхъ церковныхъ чинехъ, разсудивъ, указъ учинити по божественному уставу и по священнымъ правиломъ“. Итакъ, царь Иванъ Васильевичъ, прежде созванія собора 1551 года, повелѣлъ „исписать“ о тѣхъ церковныхъ и богослужебныхъ нестроеніяхъ, о которыхъ онъ получалъ свѣдѣнія т. е. еще до собора имъ назначена была особая предсоборная коммиссія, которая должна была собрать и приготовить весь матеріалъ для предстоящаго собора. Несомнѣнно, что въ составъ предсоборнаго матеріала входили и личныя свѣдѣнія и наблюденія самого государя. На это есть прямое указаніе въ царскихъ вопросахъ собору. Въ 34-мъ царскомъ вопросѣ говорится: „да на Божественной литургіи: Отца и Сына и Святаго Духа Троицу единосущную и нераздѣльную всегда не поютъ, рѣчью говорить въ нашемъ царствѣ. *Какъ есмь былъ въ Новгородѣ Великомъ и во Псковѣ, во святой Софее премудрости Божіи и у живоначальная Троицы*, и во всѣхъ святыхъ Божіихъ церквахъ по воскреснымъ днемъ, и по господскимъ праздникомъ, и нарочитымъ святымъ на вечерни: святяя славы поютъ и словословіе поютъ на заутрени“¹⁾.

1) Что цари и лично намѣчали тѣ вопросы, какіе у нихъ самихъ вызвали недоумѣнія и потому предназначались ими къ передачѣ на соборное обсужденіе, это хорошо видно изъ черновой записки вопросовъ и предметовъ, которые царь Алексѣй Михайловичъ набросалъ для себя, имѣя въ виду передать ихъ потомъ на обсужденіе церковнаго собора. Этотъ любопытный документъ найденъ не очень давно и напечатанъ С. А. Вѣлоружковымъ. Текстъ этой записки слѣдующій: „О единогласномъ пѣніи въ святой Божіей церкви и въ монастыряхъ, и въ соборахъ, и въ мірѣ (т. е. приходскихъ церквахъ). Единая вѣра, едино крещеніе, и единый Богъ и Господь 2) На рѣчь пѣти всякое знамя, какъ въ печати написано. и переводы есть старыя на рѣчь 3) Псалтирь пѣти на востокъ лицомъ и достойно на литургіи на восходѣ и на всякой службѣ. 4) Возгласы: яко святъ еси Боже, нашъ и: яко да подѣ державоу Твоею всегда храними, что на литургіи, и молитва: Владыко многомилостиве— на востокъ. 5) О четырехдесятницѣ, когда бываетъ литургія съ вечерней въ навечеріи Рождества Христова и Богоявленія и Свѣтлаго Восресенія. тогда уставъ повелѣваетъ пѣти поздно; также и въ великій постъ въ

Точно такъ же, какъ на Стоглавомъ соборѣ, дѣло происходило и на другихъ церковныхъ соборахъ т. е. по распоряженію и указанію царя сначала учреждалась предсоборная коммиссія, которая собирала и извѣстнымъ образомъ обрабатывала (напримѣръ въ формѣ царскихъ запросовъ на Стоглавомъ соборѣ) весь матеріалъ, который потомъ и поступалъ на разсмотрѣніе, обсужденіе и рѣшеніе собора. Такъ, на соборѣ 1660 года, который долженъ былъ установить фактъ добровольнаго, или вѣрнѣе, самовольнаго оставленія Никономъ патріаршей каѳедры, по указу государя, бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ „принесъ сказки письменныя“ т. е. письменныя показанія всѣхъ тѣхъ лицъ, какія были свидѣтелями обстоятельствъ оставленія Никономъ патріаршаго престола, которыхъ показанія ранѣе были отобраны по особому распоряженію государя. Эти сказки должны были служить матеріаломъ для соборнаго сужденія. — Когда 21 декабря 1662 года царь рѣшилъ созвать для суда надъ Никономъ новый—большій соборъ, и на него пригласить восточныхъ патріарховъ, то въ то же время, „указалъ великій государь быти въ Москвѣ: Иларіону архіепископу

пятиднехъ пѣти поздно. 6) А часы по уставу поють въ монастырехъ часъ третій и шестой предъ обѣдню, а блаженну поють на обѣдни, а девятый часъ послѣ литургіи, а индѣ поють всѣ часы и блаженну предъ обѣдней, а на литургіи: благо есть. 7) Молебевъ пѣти по единому канону Спасу и Богородицы и святымъ праздничнымъ или храму 8) По три каѳизмы на заутрени уставъ повелѣваетъ съ сентября: отъ Воздвиженія честнаго креста декабря по 20 число 9) Церковныя чтенцы и пѣвцы по правиломъ рукоположены служить въ церкви. 10) Облачатися къ вечерни и заутрени и ко всякой церковной службѣ Иванъ Милостивый повелѣваетъ облачатися во вся священная одежда. 11) Люди Божія поучати повелѣваетъ въ праздники и въ воскресные дни архіереемъ и ереемъ о вѣрѣ и о всякомъ благочестіи и о житіи христіансемъ послѣ заутрени и обѣдни на рѣчь сказати, чтобъ всѣмъ людямъ откровенно было слово Божіе 12) А которыхъ во священный чинъ и во діаконски поставляти, и выбирати избранныхъ людей учительныхъ, чтобы знали кругъ церковный и уставъ; а которые не учены, и тѣхъ во училищѣ подобаетъ учити, чтобъ по правиломъ святыхъ отецъ всѣ знали, какъ души христіанскія просвѣщати. Соль земли и свѣтъ міру. 13) А священническому и иноческому чину отъ пьянства трезвитесь и сквернословія отнюдь бы не держатися не токмо въ церкви, но и въ міру; на нихъ многіе люди соблазняются“. (Чт. общ. ист. и древн. 1894 г., кн. IV, статья: Дѣяніе моск. собора 1649 года, стр. 48—49).

рязанскому и муромскому для собранія къ тому собору всякихъ виць, да у тогожь дѣла быти боярину Петру Михайловичу Салтыкову, да думному дворянину Прокофью Кузмичу Елизарову, да дьяку Лукьяну Голосову“. Очевидно этой комиссіи поручалось собрать для предстоящаго собора весь матеріаль необходимый для настоящаго освѣщенія и составленія правильнаго соборнаго сужденія о всей дѣятельности и поступкахъ бывшаго патріарха Никона. Но этого мало. „А во время того собора указаль великій государь соборное дѣло вѣдать своимъ государевымъ богомольцамъ: ростовскому митрополиту Іонѣ, да рязанскому архіепископу Иларіону, да своимъ государевымъ бояромъ: боярину князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому, да боярину Петру Михайловичу Салтыкову, да думному дворянину Прокофью Кузмичу Елизарову, да думному дьяку Алмазу Иванову, да дьяку Ивану Голосову“. Значить въ эту, вторую комиссію, которой поручалось „соборное дѣло вѣдать“, вошла вся предеборная комиссія съ присоединеніемъ къ ней нѣсколькихъ новыхъ лицъ: изъ духовныхъ—митрополита Іоны, изъ свѣтскихъ— боярина Одоевского и думнаго дьяка Алмаза Иванова. Эта вторая комиссія, предназначенная дѣйствовать уже во время самыхъ соборныхъ засѣданій, играла роль справочнаго и дѣлового бюро, которое хранило у себя весь рапѣ собранный для собора матеріаль, передавало его въ соборныя засѣданія, давало собору нужныя справки, разъясненія, наблюдало за веденіемъ записей по соборнымъ преніямъ, приводило ихъ въ порядокъ и единство, и о всемъ, что пролеходило на соборѣ, докладывало государю, когда онъ самъ не присутствовалъ на соборныхъ засѣданіяхъ. Нельзя, въ данномъ, случаѣ, не обратить вниманіе на то важное обстоятельство, что обѣ комиссіи, какъ предсоборная, такъ и соборная, по составу своихъ членовъ смѣшаннаго характера, состоятъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, причемъ послѣдніе численно рѣшительно преобладаютъ надъ духовными. Само собою понятно, что какъ предсоборная такъ и соборная комиссіи находились въ непосредственномъ вѣдѣніи государя и руководствовались въ своей дѣятельности его непосредственными указаніями.

Такимъ образомъ весь матеріаль для предназначеннаго того или другаго церковнаго собора, по распоряженію госу-

даря, собирався и разрабатывался заранѣе особою назначенною имъ для этого комиссіею, и затѣмъ поступалъ на соборъ въ формѣ царскихъ предложеній или вопросовъ, на которые соборъ и давалъ свои отвѣты. Значить, какъ самыя вопросы, или точнѣе предметы, которые долженъ былъ разсматривать и обсуждать соборъ, опредѣлялись не имъ, а исключительно государемъ, который вѣроятно предварительно совѣтывался обо всемъ съ митрополитомъ, а потомъ патриархомъ; точно такъ же царскими же вопросами и предложеніями создавались и тѣ опредѣленныя рамки, только въ предѣлахъ которыхъ и могла двигаться вся соборная дѣятельность, не имѣвшая права переходить за установленныя для нея царемъ границы, или вносить отъ себя что-либо новое, чего не давалось и не предусматривалось въ царскихъ вопросахъ и предложеніяхъ,—дѣло собора было отвѣчать на предложенные вопросы, а не ставить ихъ отъ себя.

Когда всѣ подготовительныя работы къ предстоящему собору были закончены, царь открывалъ соборъ и произносилъ на немъ рѣчь, въ которой указывалъ на причины собранія собора, на главный предметъ и конечную цѣль соборныхъ занятій. Нѣкоторыя изъ дошедшихъ до насъ царскихъ рѣчей къ соборамъ очень характерны въ томъ отношеніи, что онѣ имѣютъ видъ поученій и назиданій отцамъ собора, выражаютъ открытое стремленіе государей побудить своихъ богомольцевъ стоять на высотѣ своего церковнаго призванія, воодушевить ихъ дѣйствовать безъ лѣности, безъ угодничества и уклончивости, руководствуясь только истиною, только опираясь на находящіяся въ ихъ распоряженіи церковныя правила и узаконенія, руководственное значеніе которыхъ признаетъ православная церковь.

На Стоглавомъ соборѣ царь въ первой своей—устной рѣчи, говорилъ: „не обълѣнитесь изречи слово къ благочестію единомысленно о православной нашей христіанской вѣрѣ, и о благосостояніи святыхъ Божіихъ церквахъ, и о нашемъ благочестивомъ царствіи, и о устроеніи всего православнаго христіанства, зѣло бо желаю и срадуюся и согласую со служебемъ съ вами быти, и вѣрѣ поборникъ“. Во второй своей—письменной рѣчи, которую царь передалъ собору, онъ между прочимъ взываетъ: „Бога ради и пречистыя Богородицы, и всѣхъ святыхъ ради, потружайтесь, во еже испра-

вити истинная и непорочная наша христіанская вѣра, иже отъ божественнаго писанія во исправленіе церковному благочинію и царскому благозаконію и всякому земскому строенію, и нашимъ единокорнымъ и безсмертнымъ душамъ на просвѣщеніе и на оживленіе и на утверженіе истинныя православныя христіанскія вѣры“. И обращаясь особенно къ пастырямъ церкви, царь говоритъ: „вы же, отцы наши—пастыри и учителя, внидите въ чувства ваша, прося у Бога помощи, изтрезвите умъ вашъ и просвѣтитесь во всякихъ богодухновенныхъ обычаяхъ, яко же предаде вамъ Господь“. И затѣмъ, прося отцовъ собора научать и просвѣщать на всякое благочестіе его—царя, князей, бояръ и все православное христіанство „нелѣпно и тщательно“, говоритъ: „прежде убо вы сами—пастырие и учителя извѣстите себе и утвердитесь, и умножите данный вамъ отъ Бога талантъ... Потружайтесь о истиннѣй и непорочнѣй православной христіанствѣй вѣрѣ, и утвердите и изъясните, яко жъ предаша вамъ святіи отцы по божественнымъ правиломъ: и не токмо, глаголю вамъ, потрудитесь, но и постраждете за имя Христова, яко жъ они, божественніи мужіе, не токмо бо за имя Того страдаху, но и за образъ“. Въ заключеніе царь говоритъ: „азъ же вкупѣ единодушно всегда есмь съ вами исправляти и утверждати, яко наставитъ насъ Духъ святыи“ и заявляетъ, что—пастыри безъ страха должны воспрещать и ему—царю, если онъ явится въ чемъ ослушникомъ божественныхъ правилъ.—Характеръ приведенной рѣчи царя къ собору—учительно-назидательный относительно отцовъ собора, самый ея тонъ, показываетъ, что царь чувствовалъ и сознавалъ, что именно онъ есть верховный управитель не только дѣлъ государственныхъ, но и церковныхъ, и что его „царскіе богомольцы“ нуждаются въ его царскомъ поощреніи и наставленіи въ дѣлѣ церковнаго устроительства.

Въ 1660 году царь собралъ соборъ по дѣлу отреченія Никона патріарха и, рассказываетъ соборное дѣяніе, „февраля въ 16 день предсташа весь преосвященный соборъ предъ лицомъ великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержца, и слыша отъ святыхъ устъ его велие попеченіе, зане святая соборная церковъ пастыря и жениха не имѣетъ, да преосвященный соборъ о семъ крѣпко и единодушно

праведнѣ, не имѣя кто ненависти и тщетныя любви, по правиломъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, разсуждають, памятуя кійждо страшный судъ и воздаяніе комуждо по дѣломъ его... И въ нынѣшній же настоящій 168 годъ, февраля въ 27 день, говоритъ тоже соборное дѣяніе, по указу великаго государя... преосвященный соборъ о отреченіи патріаршества святѣйшаго патріарха Никона правильной выписки слушали, и по выпискѣ правилѣ разсуждали, бояся кійждо страшнаго суда Божія, и помня великаго государя мудрѣйшее повелѣніе вышеписанное, крѣпцѣ смотриша, да не како неправильнѣ управление сіе совершиться имать“ ¹⁾. Опять царь обращается къ членамъ собора съ назиданіемъ, чтобы они обсудили предложенное имъ дѣло справедливо, по божественнымъ правиламъ, не увлекаясь, при рѣшеніи его, личной ненавистію и пристрастіемъ, памятуя каждый страшный судъ и возданіе на немъ каждому по дѣломъ его. И члены собора сами свидѣтельствуютъ, что они всячески старались рѣшить дѣло справедливо, „боялся кійждо страшнаго суда Божія и помня великаго государя премудрѣйшее повелѣніе вышеписанное“, чѣмъ отцы собора какъ будто даютъ понять, что „премудрѣйшее повелѣніе государя“ о справедливости и безпристрастіи соборныхъ рѣшеній было для нихъ далеко не лишнимъ, такъ какъ памятованіе объ немъ было для нихъ однимъ изъ мотивовъ рѣшить дѣло безпристрастно.

Открывая соборъ 1666 года царь въ своей рѣчи къ собору между прочимъ говорилъ: „молимъ убо вы (отцовъ собора) и увѣщаемъ, яко да со всякимъ тщаніемъ прилежите о семь дѣлѣ Божіи, во ежебы намъ о непопеченіи, вамъ же о верадѣніи и небреженіи, въ страшный день отмщенія Судіи нелицемерному слова не воздати. Се мы засвидѣтельствуемъ безначально живущаго и безконечно царствующаго, яко готови есмы вся наша и самыхъ насъ положить на побореніе по церкви Божіи; въ точію, о дѣлателіе нивы Христовы, небреженіемъ оягчени не будите“ ²⁾. И здѣсь царь убѣждаетъ отцовъ собора необлѣниться, не быть небрежными и нерадивыми къ дѣлу Божію, показать въ немъ тща-

¹⁾ Дѣло о патріар. Никонѣ, стр. 53 и 62

²⁾ Матер для ист. раск. т. II, стр. 71.

ніе и ревность; а про себя заявляетъ, что готовъ всего себя отдать „на побораніе по церкви Божиѣ“.

Такимъ образомъ всѣ рѣчи государей къ отцамъ соборовъ въ извѣстной степени напоминаютъ собою рѣчи тѣхъ полководцевъ, которые, передъ битвой съ непріателемъ, стараются воодушевить своихъ соратниковъ, поднять въ нихъ мужество и отвагу, возбудить въ нихъ готовность все́мъ пожертвовать ради побѣды; цари на соборахъ это—полководцы, отцы соборовъ—ихъ соратники.

Въ какомъ отношеніи царь находился къ соборнымъ за-сѣданіямъ и ко всему происходившему на соборѣ, это съ достаточною ясностію можно видѣть изъ дѣяній нѣкоторыхъ соборовъ, о которыхъ до насъ дошли болѣе подробныя свѣдѣнія.

На соборѣ 1660 года, объ оставленіи каѳедры Никономъ, царь, какъ мы видѣли, призвалъ къ себѣ во дворецъ архіереевъ и другихъ членовъ собора, поучалъ ихъ и внушалъ разсмотрѣть и рѣшить предложенное имъ дѣло съ полнымъ безпристрастіемъ. Выслушавъ это „мудрѣйшее повелѣніе“ государя, отцы собора оставили дворецъ и направились въ патриаршую крестовую палату, гдѣ и проходили соборныя за-сѣданія. По повелѣнію государя сюда явился бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ, исполнявшій на соборѣ роль нынѣшняго оберъ-прокурора Св. Синода. Этотъ царскій „синклитикъ“ „принесъ на соборъ сказки писмянныя“, въ которыхъ заключались показанія всѣхъ тѣхъ лицъ, какія были свидѣтелями оставленія Никономъ патриаршей каѳедры послѣ извѣстной его службы въ Успенскомъ соборѣ. Всѣ эти письменныя показанія были ранѣе, по повелѣнію государя, отобраны отъ нихъ. Соборъ „сказокъ слушавъ“ и про-вѣривъ ихъ личными показаніями свидѣтелей, которые нарочно были вызваны на соборъ, пришелъ къ заключенію, „что святѣйшій патриархъ Никонъ оставилъ свой патриаршій престолъ своею волею“. Съ этимъ заключеніемъ соборъ от-правилъ для доклада государю боярина Салтыкова. Тотъ, доложивъ дѣло государю, „пришедъ на соборъ сказалъ, что великій государь... указалъ преосвященному собору выпи-сать изъ правилъ св. апостолъ и св. отецъ о отшествіи бывшаго патриарха Никона, а у выписки указалъ великій госу-дарь быть преосвященному архіепископу Иларіону рязан-

скому и муромскому, и преосвященному Макарію архіепископу псковскому и изборскому, Чудова монастыря архимандриту Павлу, Александра монастыря Свирскаго игумену Симону“. Согласно приказанію государя соборъ назначилъ указанныхъ ему лицъ для выписки правилъ. Сдѣланныя выписки правилъ представлены были потомъ на благоусмотрѣніе государя, причемъ соборъ свидѣтельствуесть, что „сія вся правила и предреченная свидѣтельства трикратно предлагахомъ предъ лицемъ великаго государя въ его царскихъ палатахъ“ т. е. царь, очевидно, считалъ представляемая ему выписки правилъ недостаточными и три раза возвращалъ ихъ собору для дополненій. Но не смотря на дополненія, государь всетаки находилъ и теперь выписки правилъ соборомъ не вполне удовлетворительными, и указалъ собору на средство достигнуть по этому дѣлу болѣе удовлетворительныхъ результатовъ. „Онъ, великій государь, говоритъ соборное дѣяніе, правилъ святыхъ отецъ и свидѣтельскихъ отвѣтовъ слушавъ, указалъ пригласить обрѣтшихся въ Москвѣ греческихъ архіереевъ... и выписать имъ изъ правилъ св. апостолъ и св. отецъ, и быти имъ для свидѣтельства на соборѣ“; въ переводчики къ греческимъ іерархамъ назначенъ былъ извѣстный Епифаній Славинецкій. Такимъ образомъ составъ собора былъ усиленъ включеніемъ въ него, по повелѣнію государя, новыхъ членовъ—трехъ находившихся тогда въ Москвѣ греческихъ архіереевъ, которые должны были сдѣлать выписки правилъ изъ греческихъ книгъ, что дѣйствительно ими и было исполнено. Тогда „паки преосвященный соборъ предстахомъ предъ лицемъ великаго государя царя“, и опять представилъ ему выписки изъ правилъ, сдѣланныя и русскими и греческими архіереями, какъ вполне согласныя между собою въ томъ, что Никонъ по правиламъ долженъ быть лишенъ архіерейства и самаго священства, и что на его мѣсто слѣдуетъ немедленно поставить новаго патріарха. Это рѣшеніе собора государь, говоритъ соборное дѣяніе, „разсуждая премудре, благоразсуднѣ и праведнѣ съ своимъ царскимъ синклитомъ“ т. е. обсудивъ его съ своею боярскою думою, нашелъ правильнымъ, и потому „повелѣ тако быти... и соборное сіе писаніе совершити“ т. е. окончательно написать его. Когда оно было наконецъ написано и представлено на благоусмот-

рѣшіе государя, онъ исправилъ его своею рукою (почему оно и сохранило помѣту: „правлено рукою государя“) и затѣмъ повелѣлъ „соборное сіе писаніе совершити и руками всему освященному собору подкрѣпити въ соборной и апостольской церкви при себе, великомъ государѣ и великомъ князѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцѣ, и при своемъ царскомъ синклитѣ“¹⁾.

Въ 1660 году собранъ былъ и другой соборъ по поводу обвиненій, взведенныхъ суздальскимъ попомъ Никитою на суздальскаго архіепископа Стефана, о чемъ ранѣе, по приказанію государя, произведенъ былъ на мѣстѣ розыскъ и собраны были „обыскныя рѣчи“. Теперь на соборъ великій государь, говоритъ соборное дѣяніе, „прислалъ къ намъ, преосвященному собору, обыскныя рѣчи съ бояриномъ съ Петромъ Михайловичемъ Салтыковымъ, да съ думнымъ дьякомъ Алмазомъ Ивановымъ, чтобъ намъ по тѣмъ обыскнымъ рѣчамъ правильно объ этомъ архіепископѣ Стефанѣ поразсудить, и у того дѣла великій государь указалъ съ нами, архіереями, быть боярину своему Петру Михайловичу Салтыкову, да думному діаку Алмазу Иванову. И тѣхъ обыскныхъ рѣчей мы соборнѣ съ бояриномъ и діакомъ слушали и по тѣмъ обыскамъ и рѣчамъ познали“... Здѣсь особенно характерно то обстоятельство, что на соборномъ судѣ надъ архіепископомъ, наряду съ архіереями, какъ полноправные члены собора, и значить, какъ судьи архіепископа, были и міряне: царскій бояринъ и дьякъ.

Изъ приведенныхъ нами свидѣтельствъ слѣдуетъ, что всѣ соборныя засѣданія происходили подъ постояннымъ наблюденіемъ государя, что когда онъ самъ не присутствовалъ на соборныхъ засѣданіяхъ, то посылалъ на соборъ своихъ довѣренныхъ бояръ, думныхъ дворянъ и дьяковъ; что государю докладывалось о всякомъ рѣшеніи и заключеніи, къ какому приходилъ соборъ по тому или другому вопросу: что соборъ среди своихъ засѣданій требовалъ отъ царя дальнѣйшихъ указаній и распоряженій для веденія соборныхъ дѣлъ, и, какъ скоро получалъ ихъ, сейчасъ же при-

¹⁾ Дѣло о патр. Никонѣ, стр. 53—111. Гиббенетъ, т. I, стр. 180—220

водилъ въ исполненіе; что посылаемые царемъ на соборъ его бояре, думные люди и дьяки, не просто только присутствовали на соборныхъ засѣданіяхъ, но и принимали въ нихъ непосредственное дѣятельное участіе, о чемъ прямо свидѣлствуютъ сами присутствовавшіе на соборѣ архіереи, когда въ своихъ соборныхъ дѣянiяхъ заявляютъ, что „тѣхъ обыскныхъ рѣчей мы (т. е. архіереи) соборнѣ съ бояриномъ и діакомъ слушали... и познали“. Не трудно видѣть также, что царскіе сиклитики, какъ довѣренныя лица государя, играли на соборахъ очень видную и вліятельную роль, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ они были главною пружиною, двигавшею соборныя дѣла въ нужномъ опредѣленномъ направленіи, такъ какъ за ними всегда стоялъ самъ великій государь. Да и кромѣ того, имъ придавало необходимо особую силу на соборахъ ихъ предварительное близкое знакомство съ предметами соборныхъ засѣданій, какого никакъ не могъ имѣть случайно вызванный въ Москву, для присутствія на соборѣ, заурядный провинціальный архіерей.

Что касается самыхъ соборныхъ постановленій и рѣшеній, то и онѣ составлялись по большей части въ духѣ желаній государя, и иногда въ этомъ отношеніи дѣло заходило такъ далеко, что, изъ угожденія предъ царемъ, соборъ дѣлалъ постановленія, рѣшительно несогласныя съ совѣстью и убѣжденіями отцовъ собора. Вотъ факты.

Въ 1572 году царь Иванъ Васильевичъ собралъ соборъ изъ архіереевъ, архимандритовъ, игуменовъ и всего освященнаго собора, и просилъ разрѣшить ему вступить въ четвертый бракъ, какъ церковно-законный. Соборъ отвѣтилъ на это незаконное, антицерковное требованіе царя, согласіемъ и постарался подыскать такія каноническія основанія, которыя будто бы дозволяютъ, при извѣстныхъ условіяхъ, разрѣшить царю четвертый бракъ, какъ церковно-законный. А между тѣмъ еще очень недавно,—тому только двадцать лѣтъ назадъ, Стоглавый соборъ, подъ предсѣдательствомъ того же самаго царя постановилъ, чтобы четвертаго брака недопускать ни подъ какимъ видомъ, и чтобы навсегда и незыблемо утвердить это постановленіе, ссылаясь на слова Григорія Богослова: „первый рече (Григорій Богословъ) бракъ — законъ, второй—прощеніе, третій—законопреступникъ, четвертый — нечестіе, понеже свинское есть

житіе“¹⁾. И это „свинское житіе“ теперь приходилось собору признать публично житіемъ церковно-законнымъ и допустимымъ для благочестивѣйшаго православнаго государя. Правда соборъ 1572 года въ своемъ разрѣшеніи государю вступить въ четвертый бракъ, какъ церковно-законный, сдѣлалъ такую прибавку: „а прочіе челоувѣцы отъ мірскихъ, царскаго синклита и до простыхъ, никакоже да не дерзнетъ таковая сотворити—четвертому браку сочетатися; аще кто гордостію дмяся или отъ неразумія, дерзнетъ таковая сотворити, пригрознымъ клятвамъ да будетъ таковнй за дерзость лю священнымъ правиломъ проклятъ“²⁾. Но эта приписка служить только еще къ большому обличенію малодушія и угодничества отцовъ собора 1572 года, которые очевидно вополѣ сознательно, только ради страха предъ царемъ, нарушили ясныя, вополѣ опредѣленные, ими самими признаваемые обязательными для всѣхъ, церковныя законы о не допустимости для всѣхъ православныхъ четвертаго брака³⁾.

Лжедмитрій желалъ жениться на католичкѣ Маріи Мнишекъ, которая, чтобы стать русскою царицею, должна была принять православіе. По тогдашнимъ русскимъ понятіямъ и существовавшей у насъ церковной практикѣ, католическое крещеніе не признавалось истиннымъ крещеніемъ, и всѣхъ католиковъ, обращающихся въ православіе, у насъ обязательно перекрещивали, почему и Марія Мнишекъ должна была подвергнуться перекрещенію. Понятно, что она ни подъ какимъ видомъ не могла согласиться на это, т. е.

¹⁾ Стоглавъ, стр. 119—120. Изд. брат. св. Петра.

²⁾ А. Ц. 1, № 284, стр. 331.

³⁾ Нельзя думать, чтобы отцы собора 1572 года считали возможнымъ изъ общаго правила о недопустимости четвертаго брака дѣлать исключеніе въ пользу государей, такъ какъ Стоглавъ, который имъ конечно хорошо былъ извѣстенъ, сказавъ о четвертомъ бракѣ, какъ о „свинскомъ житіи“, сейчасъ продолжаетъ: „премудрый царь Левъ и къ четвертому браку совокупилъ се баше, и во отлученіе ипаде отъ Николы патріарха, ему жъ много моляшесъ царь, еже разрѣшити его отъ таковаго связанія. И яко оувъ не умолеишъ бысть, отъ церкви его изгна и внего пакы мѣсто Евсеимья, мужа освященна, постави на патріаршество. И сему много моляшеся, еже разрѣшити его отъ таковаго связанія,— не токмо разрѣши его, но и отвержена и не прощена сотвори ради четвертаго брака, съ множайшими святителями возбранивъ“.

признать себя доселѣ некрещенной. Чтобы добиться ея присоединенія къ православію не перекрещиваніемъ, а только чрезъ миропомазаніе, Лжедмитрій поступаетъ такимъ образомъ; онъ заставляетъ русскихъ епископовъ поставить въ патріархи тогдашняго рязанскаго архіепископа грека Игнатія. Нужно имѣть въ виду, что тогдашняя греческая церковь присоединяла католиковъ къ православію чрезъ миропомазаніе, а перекрещиванія ихъ, какъ дѣйствія канонически неправильнаго, не допускала. Значить и грекъ Игнатій считалъ единственно правильнымъ присоединеніе Мнишекъ къ православію чрезъ миропомазаніе, а не перекрещиваніе. Ради именно этого Лжедмитрій поставилъ его въ патріархи, т. е. чтобы онъ, какъ патріархъ, заставилъ русскихъ епископовъ, въ дѣлѣ присоединенія Марины къ православію, слѣдовать не русской тогдашней, а греческой церковной практикѣ. И дѣйствительно, когда Марина пріѣхала въ Москву, Лжедмитрій собралъ соборъ изъ епископовъ, на которомъ „вмѣняетъ ей (Маринѣ), преокаянный, латынское богопротивное крещеніе во истинное святое христіанское купельное порожденіе“. На соборѣ грекъ патріархъ Игнатій, придерживаясь греческой тогдашней практики, отрицалъ законность и нужду перекрещиванія Марины. По одному современному событіямъ сказанію „не многи поистине“ сначала было заявили на соборѣ, отстаивая русскую церковную практику, что Марину слѣдуетъ крестить вновь. Но другіе—большинство изъ челоуѣкоугодія, изъ за слабости къ мірской славѣ „на обою ногу болѣннѣмъ хромлюще, прельстишася; купножь не пастырски, но наемнически, и ужаснушася, воли его быти повинувшеся, попустиша. Зряще то и первы умолкоша, яко словеса беззаконныхъ преугоша, и вси даша ему плещи“¹⁾). Такимъ образомъ епископы единственно, какъ объясняетъ современный событіямъ бытописатель, изъ челоуѣкоугодничества, изъ слабости къ славѣ мірской, изъ страха предъ царемъ, отказались на соборѣ, вопреки своему убѣжденію, вопреки существовавшей тогда у насъ церковной практикѣ, отъ перекрещиванія Марины и присоединили ее къ православію чрезъ миропомазаніе.

¹⁾ Временникъ, рукопись Флорищевой пустыни, № 108—682, л. 165 об и 166.

Царь Алексѣй Михайловичъ былъ горячимъ, убѣжденнымъ сторонникомъ единогласія въ церковномъ пѣвнѣи и чтеніи. Онъ вѣрилъ, что отъ многогласія, тогда у насъ всюду господствовавшаго, церковныя службы теряютъ всякую назидательность, спасительность и полезность для вѣрующихъ, и что такимъ образомъ многогласіемъ разрушается благочестіе на Руси. Въ виду этого 11-го февраля 1649 года онъ собралъ у себя „въ средней“ соборъ, на которомъ долженъ былъ обсуждаться и рѣшаться вопросъ о введеніи единогласія вмѣсто прежняго многогласія. На этомъ соборѣ, кромѣ патріарха, присутствовали: два митрополита, три архіепископа, одинъ епископъ, пять архимандритовъ, семь игуменовъ, десять протопоповъ и освященный соборъ. Вопреки ожиданіямъ и намѣреніямъ царя, соборъ порѣшилъ остаться при прежнемъ многогласіи, что и подкрѣпилъ своими подписями подъ соборными дѣяніями. Голосъ представителей церкви по данному чисто церковному вопросу сказался, такимъ образомъ, ясно и опредѣленно, но за то онъ былъ не согласенъ съ убѣжденіями и намѣреніями царя, что и погубило соборъ. Царь не утвердилъ состоявшагося соборнаго постановленія о многогласіи въ церковномъ пѣвнѣи и чтеніи, такъ что оно, не смотря на всю свою формально-церковную правильность, не получило никакой практической силы и значенія, не стало закономъ. Но этого мало. Черезъ два года царь заставилъ того же патріарха Іосифа снова пересмотрѣть вопросъ на новомъ соборѣ и рѣшить его такъ, какъ желалъ того царь. И дѣйствительно на соборѣ 1651 года патріархъ Іосифъ, вопреки своему соборному постановленію въ 1649 году, рѣшилъ уничтожить многогласіе и призналъ для всѣхъ обязательнымъ единогласіе. Это новое соборное постановленіе было признано царемъ и потому стало закономъ.—Очевидно воля и желанія государя царили въ соборныхъ рѣшеніяхъ и по чисто церковнымъ вопросамъ.

Всѣ соборныя обсужденія, мнѣнія и рѣчи записывались на соборахъ особыми лицами и, на основаніи этихъ записей, составлялись потомъ такъ называемыя „соборныя дѣянія“. Іоаннъ Нероновъ заявлялъ на соборѣ: „азъ же говорилъ Андреану протопопу: что ты, братъ Андреяне, мои рѣчи пишешь всѣ; а что вы говорите съ патріархомъ всякія не-

подобныя рѣчи, и тѣхъ не единой рѣчи не пишешь?“ Въ постановленіи собора 1660 года о суздальскомъ архіепископѣ Стефанѣ замѣчено: „а приписалъ (т. е. писалъ соборное постановленіе) смиренный Іларіонъ, архіепископъ рязанскій и муромскій, по приговору всего священнаго собора“ т. е. Іларіонъ рязанскій былъ избранъ соборомъ своимъ секретаремъ и велъ всѣ соборныя записи. На соборѣ 1666 года, судившемъ Никона, было нѣсколько человекъ, которые записывали, что дѣлалось и говорилось на соборѣ. Нѣсколько такихъ черновыхъ записей дошло и до насъ. Записи происходившаго во время соборныхъ засѣданій составляли тотъ матеріаль, изъ обработки котораго потомъ составлялись официальныя соборныя дѣянія. Эту обработку соборныхъ матеріаловъ царь поручалъ особымъ лицамъ. Алексѣй Михайловичъ, напримѣръ, поручалъ это дѣло то Епифанію Славинецкому, то Симеону Полоцкому. Составленныя такимъ образомъ соборныя дѣянія представлялись на предварительное разсмотрѣніе и одобреніе государя, который иногда дѣлалъ въ нихъ поправки. Такъ, на дѣяніяхъ собора 1660 года имѣется помѣта: „правлено рукою государя“. Иногда государь вычеркивалъ изъ соборныхъ дѣяній цѣлыя соборныя засѣданія, трактовавшія о такихъ предметахъ, обсужденіе которыхъ царь считалъ неумѣстнымъ, а публикацію о нихъ въ соборныхъ дѣяніяхъ совсѣмъ неудобною. Такъ, въ соборныхъ дѣяніяхъ 1667 года государемъ совсѣмъ вычеркнуты были соборныя пренія о власти царской и патріаршей.

Когда соборное дѣяніе, просмотренное и исправленное государемъ, согласно его желаніямъ и цѣлямъ, получало свой окончательный официальный видъ, на основаніи его царь „учинялъ опредѣленіе“ т. е. соборнымъ постановленіямъ придавалъ форму закона, обязательнаго для всѣхъ, причемъ нерѣдко, въ формѣ указовъ, самъ разсылалъ соборныя опредѣленія въ разныя учрежденія.

Иногда соборныя постановленія получали силу закона и и приводились въ исполненіе не иначе, какъ только послѣ того, какъ онѣ проходили чрезъ боярскую думу, на разсмотрѣніе и утвержденіе которой передавалъ ихъ царь, прежде чѣмъ утвердить ихъ окончательно. Такъ въ дѣяніяхъ собора 1580 года, запретившаго архіереямъ и монастырямъ приобретать новыя земли, говорится: „а которое мѣсто убогое, земли

будеть мало, или не будетъ, и онъ (монастырь) бьетъ челомъ государю, и государь съ митрополитомъ соборнѣ и съ бояры приговоря, и устроить тотъ монастырь землю, какъ будетъ пригоже“, т. е. соборный приговоръ предполагается приводить въ исполненіе только послѣ того, какъ онъ пройдетъ чрезъ боярскую думу ¹⁾.—Еще въ 1551 году Стоглавый соборъ постановилъ повсюду учредить должности поповскихъ старостъ и десятскихъ священниковъ. Но только въ 1594 году царь Ѳедоръ Ивановичъ „поговоря съ отцомъ своимъ и богомольцомъ святѣйшимъ Іовомъ патріархомъ московскимъ и всея Русіи, приговоря съ своими государевыми бояры, а велѣлъ государь... въ своемъ государствѣ—царствующемъ градѣ Москвѣ учинити старостъ поповскихъ и десятскихъ для церковнаго благочинія и всякихъ ради потребъ церковныхъ“ ²⁾. Опять постановленіе церковнаго собора приводится въ исполненіе только послѣ приговора объ этомъ боярской думы.—Въ 1651 году соборъ постановилъ во всѣхъ церквахъ ввести единогласное пѣніе и чтеніе. Но постановленію этого собора рѣшительно воспротивились нѣкоторые московскіе священники думавшіе, что соборное постановленіе о единогласіи для нихъ не обязательно, не имѣетъ силы закона, такъ какъ на соборѣ не было бояръ и окольниковъ, и оно не проходило чрезъ боярскую думу. „Лукинскій попъ Сава съ товарищи говорилъ такія рѣчи: мнѣ-де къ выбору, который выборъ о единогласіи, руки не прикладывать, напередъ бы де велѣли руки прикладывать о единогласіи бояромъ и окольниковымъ: „любо-де имъ будетъ единогласіе?“ ³⁾. Царь Алексѣй Михайловичъ это требованіе московскихъ приходскихъ священниковъ о томъ, чтобы постановленіе церковнаго собора сначала прошло чрезъ боярскую думу, а потомъ уже проводилось въ исполненіи какъ законъ, нашелъ вполне справедливымъ, и потому соборное постановленіе о единогласіи провелъ чрезъ боярскую думу. Въ своей грамотѣ отъ 25 мая 1651 г. въ Сійскій монастырь, игумену Ѳеодосію, царь пишетъ, что онъ, „совѣтовавъ“ съ патріархомъ, архіереями, архимандритами, игуменами, и со

¹⁾ Собр. госуд. гр и дог т I, стр. 585

²⁾ А. Э. т. I, № 360.

³⁾ Записки рус археол общ. т II, стр. 394—392.

всѣмъ освященнымъ соборомъ „и со всѣмъ нашимъ сигклитомъ“, что онъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ „и съ нашимъ сигклитомъ уложили“, чтобы пѣтъ во святыхъ церквахъ единогласно, чинно и не мятежно, и чтобы всѣ неуклонно слѣдовали сему нашему государьскому и отца нашего великаго господина святѣйшаго Іосифа патріарха московскаго и всея Русіи и всего освященнаго собора „и нашего сигклита соборному уложенію“¹⁾. Это неоднократное упоминаніе въ царской грамотѣ, вмѣстѣ съ освященнымъ соборомъ, и „царскаго сигклита“, заявившаго свое согласіе на введеніе единогласія, слѣдано государемъ конечно не просто: оно показываетъ, что въ виду требованія московскаго приходскаго духовенства, чтобы „къ выбору о единогласіи напередъ приложили руки бояре и окольничіи: любо-ли де имъ будетъ единогласіе?“—царь передалъ соборное рѣшеніе о единогласіи на утверженіе своей боярской думы, которая вполнѣ согласилась по вопросу о единогласіи съ состоявшимся ранѣе соборнымъ рѣшеніемъ.—Въ 1656 году, въ октябрѣ, патріархъ Никонъ, съ согласія государя, собралъ у себя соборъ, который постановилъ открыть новыя архіерейскія каѳедры въ Смоленскѣ и Вяткѣ, и на первую перевести суздальскаго архіепископа Филарета, а на вторую Коломенскаго епископа Александра²⁾“. Между тѣмъ ровно черезъ годъ, въ 1657 году, тоже въ октябрѣ, государь „совѣтоваль со отцемъ своимъ и богомольцемъ святѣйшимъ Никономъ, патріархомъ московскимъ и всея великія и малыя и бѣлыя Россіи, и съ митрополиты, и съ архіепископы, и епископы, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и говорилъ съ своими государевыми бояры, и съ окольничими, и думными людьми, чтобы устроить по мѣстамъ властей: въ Бѣлгородѣ митрополита, въ Смоленскѣ да во Мстиславлѣ архіепископа, на Вяткѣ да въ Великой Перми епископа. И указалъ государь и патріархъ и бояре приговорили: перевести въ Бѣлгородъ митрополита крутицкаго Штирима, въ Смоленскѣ архіепископа суздальскаго Филарета, на Вятку епископа Коломенскаго Александра³⁾. Очевидно, постановленія одного церковнаго собора 1656 года объ открытіи новыхъ

1) А. Э. т. IV, № 327

2) Матер. для ист. раск. т. I, стр. 9.

3) Дворцовые разряды, дополн. къ III тому, стр. 110

архіерейскихъ кафедръ было еще недостаточно, нужно было потомъ перенести дѣло въ боярскую думу и рѣшить его окончательно уже въ слѣдующемъ 1657 году по указу государя и по приговору бояръ.—Когда въ 1660 г. соборъ представилъ государю свое рѣшеніе, что Никонъ не можетъ болѣе оставаться патріархомъ и на его мѣсто немедленно слѣдуетъ избрать другое лицо, то говоритъ соборное дѣяніе, „онъ великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, разсуждая премудре, благоразсуднѣ и праведнѣ съ своимъ царскимъ сигклитомъ, повелѣ тако быти.. и соборное сіе писаніе совершити и руками всему освященному собору подкрѣпити въ соборной и апостольской церкви при себѣ, великомъ государѣ... и при своемъ царскомъ сигклитѣ“. Очевидно соборное рѣшеніе 1660 г. царь перенесъ на разсмотрѣніе боярской думы и только послѣ того, какъ съ своимъ царскимъ сигклитомъ „премудре, благоразсуднѣ и праведнѣ“ обсудилъ представленное ему соборное дѣяніе, повелѣлъ его совершить т. е. написать окончательно, а членамъ собора приложить къ нему свои руки въ присутствіи его, государя, и всего царскаго сигклита.

Вообще нужно признать, что боярская дума въ церковныхъ дѣлахъ играла болѣе видную роль, нежели обыкновенно думаютъ, такъ какъ она то входила въ составъ церковныхъ соборовъ, то окончательно утверждала состоявшіяся постановленія, тѣмъ болѣе, что царь и о всякихъ вообще церковныхъ дѣлахъ совѣтовался съ своими боярами. По поводу, напримѣръ, неожиданнаго пріѣзда въ Успенскій соборъ Никона и принятія у него благословенія ростовскимъ митрополитомъ Іоною, государь „совѣтовавъ со властью, а съ бояры поговоря“ указалъ о пріѣздѣ Никона и принятіи отъ него благословенія Іоною, послать къ архіереямъ грамоты, приглашавшія ихъ въ Москву на соборъ. Потому же по поводу царская грамота говоритъ: „и посовѣтовавъ съ освященнымъ соборомъ, и поговоря съ нашими, великаго государя, бояры, посылали въ соборную церковь“. Или: „и мы, великій государь, посовѣтовавъ со властью, и съ бояры нашими поговоря, указали ему, Никону, сказать“¹⁾.

¹⁾ Дѣло о патр Никонѣ, стр 164, 165, 167.

Если, такимъ образомъ. царь являлся инициаторомъ всѣхъ церковныхъ соборовъ XVI и XVII столѣтій, и безъ его воли и согласія они не могли состояться; если онъ подготовлялъ напередъ всѣ матеріалы, которые должны были быть предметомъ соборныхъ обсужденій и рѣшеній; если онъ опредѣлялъ сколько лицъ и какія именно должны присутствовать на соборныхъ засѣданіяхъ, слѣдилъ за дѣятельностію послѣднихъ, давалъ имъ то или другое направленіе; если онъ исправлялъ и даже видоизмѣнялъ самыя соборныя рѣшенія по своимъ видамъ и цѣлямъ, иногда передавалъ ихъ на окончательное утвержденіе боярской думы; если всякое постановленіе церковнаго собора, чтобы получить силу обязательнаго закона, нуждалось въ утвержденіи царя, который всегда могъ не признать состоявшагося постановленія церковнаго собора и оно тогда уже не имѣло никакого практическаго значенія; то самъ собою возникаетъ вопросъ: что же такое были наши церковные соборы XVI и XVII столѣтій?

Наши церковные соборы XVI и XVII столѣтій не были какими-либо самостоятельными, автономными церковными учрежденіями, которымъ бы принадлежала инициатива своихъ собраній, самостоятельное опредѣленіе предметовъ своихъ занятій, задачъ и цѣлей, какія они хотѣли бы преслѣдовать, и которые имѣли бы право свободно и самостоятельно постановлять свои рѣшенія, какъ обязательныя для всѣхъ своихъ пасомыхъ.

Наши церковные московскіе соборы XVI и XVII столѣтій были только простыми совѣщательными учрежденіями при особѣ государя, они были только органами царскаго законодательства по дѣламъ церковнымъ. Единственнымъ источникомъ всякаго закона, какъ государственнаго, такъ и церковнаго, былъ у насъ царь, который государственные законы издавалъ „поговоря“ съ своими боярами т. е. съ боярскою думою; церковные законы издавалъ „посоветывавшись“ съ своими царскими богомольцами: патріархами и другими архіереями, архимандритами, игуменами и со всѣмъ освященнымъ соборомъ. Различіе между боярскою думою и освященнымъ соборомъ заключалось въ томъ, что боярская дума была постояннымъ, непрерывно дѣйствующимъ при государѣ учрежденіемъ, тогда какъ церковные соборы созывались

только на время, для обсужденія и рѣшенія вопросовъ вновь возникавшихъ и чрезвычайныхъ, такъ какъ обычное теченіе церковныхъ дѣлъ регулировалось обычною патриаршею и архіерейскою епархіальною властію. Если боярская дума занималась почти исключительно разсмотрѣніемъ и рѣшеніемъ дѣлъ государственныхъ, то церковные соборы занимались разсмотрѣніемъ и рѣшеніемъ дѣлъ специально церковныхъ. Но такъ какъ дѣла государственныхъ и церковныхъ въ тогдашней жизни были тѣсно связаны между собою, и такъ какъ въ боярской думѣ и на церковныхъ соборахъ председательствовалъ одинъ и тотъ же государь, то онъ, при рѣшеніи важныхъ государственныхъ дѣлъ, призывалъ на совѣтъ въ боярскую думу своихъ государевыхъ богомольцевъ, а на церковные соборы своихъ думныхъ людей, или же передавалъ постановленія церковныхъ соборовъ на утвержденіе боярской думы.

Такъ какъ церковные соборы были только совѣщательными учрежденіями при государѣ, съ которыми государь совѣтывался по дѣламъ церковнымъ, то этимъ вполне опредѣляется весь существенный характеръ дѣятельности соборовъ. Московскіе государи были глубоко благочестивы, всецѣло преданы церкви, они всячески старались и заботились, чтобы ихъ подданные строго хранили благочестіе, соблюдали всѣ церковные уставы, выполняли всѣ церковныя требованія и предписанія. Въ упадкѣ благочестія, въ несоблюденіи церковныхъ признанныхъ порядковъ и требованій, они видѣли не только нарушеніе правилъ вѣры и благочестія, но и пагубное потрясеніе коренныхъ основъ всей жизни государственной, которая правильно-нормально можетъ существовать и развиваться только при правильной нормальной церковной жизни,—при процвѣтаніи въ народѣ правой вѣры, истиннаго благочестія. Въ виду этого государи, созывая церковный соборъ и предлагая на обсужденіе его тѣ или другіе вопросы, ставили отцамъ собора первую и непремѣнную обязанностію, чтобы вопросы были разсматриваемы и рѣшаемы на соборѣ, какъ этого требуетъ божественный законъ т. е. правила св. апостоль, св. отецъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, церковные уставы и другія признаваемые церковію узаконенія. Соборъ всѣ свои постановленія обязательно долженъ былъ обосновать на этихъ

указанныхъ основахъ, обязательно долженъ былъ такъ или иначе подвести ихъ подъ принятыя церковныя нормы и правила, чтобы такимъ образомъ ничѣмъ не нарушить божественнаго закона. Въ такой постановкѣ, въ такомъ веденіи дѣла и заключалась собственно задача церковнаго собора. Какъ скоро соборъ это сдѣлалъ, т. е. показалъ, что его обсуждения и рѣшенія вопроса дѣйствительны основаны на божественномъ законѣ, вполне согласны съ нимъ, а не есть результатъ личнаго усмотрѣнія, домышленія или творчества отцовъ собора,—роль собора была кончена, онъ выполнилъ свое назначеніе, и отъ государя уже зависѣло далѣе придать или не придать рѣшеніямъ собора окончательную форму обязательнаго закона, почему, на примѣръ, Стоглавый соборъ въ своихъ постановленіяхъ выражается о себѣ: „по данной намъ отъ Бога власти и царскимъ совѣтомъ соборнѣ повелѣхомъ“, такъ что одна данная отъ Бога власть, безъ царскаго совѣта, не могла составить соборнаго повелѣнія. Въ виду этаго наши русскіе соборы никогда не употребляли въ своихъ постановленіяхъ формулы: „изволися Духу Святому и намъ“. Правда было въ этомъ отношеніи одно исключеніе. Когда ярославскій митрополитъ Іона приваялъ, въ 1664 году, отъ Никона благословеніе въ Успенскомъ соборѣ, царь поэтому случаю немедленно созвалъ тогда изъ бывшихъ въ Москвѣ архіереевъ соборъ: Павла митрополита сарскаго, Паисія газскаго, Козмы амасійскаго, Макарія гревенскаго, Θεодосія сербскаго и Нектарія архіепископа погоянинскаго. Этотъ соборъ свое поставленіе формулировалъ: „обаче убо изволися Духу Святому и намъ, нѣкое снисхожденіе сотворити“... Тотъ же соборъ, разрѣшая царю принимать благословеніе отъ ростовскаго митрополита Іоны, выражается: „суди же Духъ Святыи и мы, яко мочно есть“¹⁾... Но не трудно видѣть, что на этомъ соборѣ, изъ шести присутствовавшихъ архіереевъ, русскій былъ только одинъ, а остальные пять всѣ иностранцы, которые и употребляли не свойственную русскимъ соборамъ формулу: „изволися Духу Святому и намъ“, „суди Духъ Святыи и мы“. Русскіе архіереи отлично знали, что они призывались царемъ на соборъ не для того, чтобы рѣшать на немъ дѣла по вдохновенію

¹⁾ Стоглавъ, стр 78. Изд брат Св Петра. Дѣло о Никоиѣ, стр. 162—163.

или, что имъ „изволися“, а только на основаніи точнаго и опредѣленнаго божественнаго закона, ни отступать отъ котораго, ни видоизмѣнять его, ни тѣмъ болѣе передѣлывать, они не имѣли никакого права; они хорошо знали, что относительно соборныхъ постановленій все рѣшить въ концѣ воля и усмотрѣніе благочестивѣйшаго государя, а не ихъ вдохновеніе. Поэтому, конечно, и самымъ постановленіямъ нашимъ церковныхъ соборовъ никогда не придавалось характера непогрѣшимости и неизмѣняемости, въ нихъ не видѣли акта непосредственнаго дѣйствія Св. Духа, а обычныя церковно-государственныя постановленія, опиравшіяся и находившія свое оправданіе въ божественномъ законѣ.

Тѣмъ обстоятельствомъ, что наши церковные соборы представляли изъ себя, такъ сказать, собраніе свѣдущихъ людей или экспертовъ по вопросамъ церковнымъ, объясняется почему государи, призывая архіереевъ на соборъ, не только, иногда предписывали имъ являться съ искусными т. е. болѣе свѣдущими и образованными иноками ¹⁾, но и сами заботились и предпринимали мѣры, чтобы на соборѣ были люди свѣдующіе въ дѣлахъ вѣры, благочестія, въ знаніи и толкованіи церковныхъ правилъ и постановленій, люди могущіе дать собору нужныя разъясненія и указанія отъ божественнаго закона. Такъ въ 1554 году царь Иванъ Васильевичъ пишетъ нарочитое посланіе къ Максиму греку, приглашая его явиться въ Москву на соборъ, собранный на Матвѣя Башкина. „Да будеши и ты, пишеть царь Максиму, поборникъ по православіи, яко же первіи богоносніи отцы, такожь и ты покажешися благочестію ревнитель, и тая жъ ты небесныя обители примуть, яже и онѣхъ, иже подвизавшеся за благочестіе... Явись симъ (древнимъ св. отцамъ) споспѣшникъ и ревнитель по благочестіи, и данный ти отъ Бога талантъ умножи, и ко мнѣ писаніе пришли на вынѣшнее злодѣйство“ ²⁾. Царь Алексѣй Михайловичъ пригласилъ на соборъ 1660 года извѣстнаго ученаго Епифанія Славянецкаго, поручилъ ему составленіе соборнаго дѣянія вмѣстѣ съ провѣркою правильности ссылокъ собора на тѣ или другія церковныя правила. И когда Епифаній доложилъ госу-

¹⁾ А. Э. т. IV, № 140

²⁾ А. И. т. I, № 161

дарю, что ссылки бывшихъ на соборѣ греческихъ архіереевъ на греческія правила несправедливы, въ чемъ онъ убѣдился сличивъ текстъ правила, приведеннаго греческими архіереями, съ подлинникомъ, въ которомъ это правило читается иначе, государь придалъ заявленію ученаго Епифанія такое значеніе, что не утвердилъ дѣяній собора 1660 года и перенесъ дѣло о Никонѣ на разсмотрѣніе другаго — большаго Собора.— На соборѣ 1667 года государь пригласилъ извѣстнаго Симеона Полоцкаго, которому и поручилъ составить самое соборное дѣяніе. Царь сильно также дорожилъ Паисіемъ Лигаридомъ и часто приглашалъ его на соборы и именно потому, что видѣлъ въ немъ человека свѣдущаго, ученаго, научными знаніями котораго по церковнымъ предметамъ онъ можетъ воспользоваться для своихъ цѣлей, что и было въ дѣйствительности. Эти лица, какъ люди научно-образованные, несомнѣнно имѣли на соборахъ очень большое и дѣйствительное вліяніе, къ ихъ голосу и заявленіямъ прислушивались царь и всѣ члены собора, такъ что на направленіе и характеръ соборной дѣятельности они могли имѣть очень сильное вліяніе, тѣмъ болѣе что отъ нихъ, отъ ихъ научнаго и литературнаго таланта, иногда очень много зависѣло и самое составленіе соборнаго дѣянія въ томъ или другомъ видѣ.

Такимъ образомъ, если по самой идеѣ церковнаго собора его главными строителями и дѣятелями должны бы быть прежде всего епископы, какъ носители высшей іерархической благодати, высшей церковной власти и какъ представители всѣхъ пасомыхъ, то въ дѣйствительности это дѣло стояло у насъ далеко не такъ. Въ дѣйствительности нашимъ архіереямъ на соборахъ XVI и XVII столѣтій принадлежала самая скромная, малодѣятельная и маловліятельная роль. Они являлись на соборѣ вовсе не потому, что у нихъ самихъ, или въ средѣ ихъ паствы, назрѣвала настоятельная потребность соборно обсудить и порѣшить тѣ или другіе выдвинутыя жизнію церковные вопросы, а единственно потому, что явиться на соборѣ имъ приказывалъ царь, и они не смѣли ослушаться его приказанія, такъ что они являлись на соборѣ только въ силу своего оффиціальнаго положенія, а не по своимъ внутреннимъ влеченіямъ и убѣжденіямъ, или какъ представители голоса, нужды и интересовъ

своей паствы. Являясь изъ своихъ епархій на соборъ, они совсѣмъ не были подготовлены къ рѣшенію соборныхъ вопросовъ, которые ранѣе не были имъ извѣстны, а если и были извѣстны, то въ самыхъ общихъ и неопредѣленныхъ чертахъ. На соборѣ имъ давался уже готовый, опредѣленный и болѣе или менѣе обработанный предсоборною коммиссіею матеріаль, надъ которымъ и только въ предѣлахъ котораго они могли оперировать во время соборныхъ засѣданій, при чемъ въ работахъ ими руководили лица, ранѣе назначенныя царемъ и несравненно лучше и больше ихъ знавшія все относившееся къ предмету соборныхъ обсужденій. Они не смѣли возбуждать на соборѣ какихъ либо новыхъ—своихъ вопросовъ, не смѣли расширять и рамки тѣхъ вопросовъ, которые имъ были поставлены; ихъ разсужденія должны были вращаться только въ тѣхъ предѣлахъ, какіе строго и опредѣленно были указаны заранѣе царемъ. О каждомъ своемъ рѣшеніи и постановленіи по тому или другому вопросу они должны были доносить царю и отъ него ждать дальнѣйшихъ указаній и распоряженій, такъ что вся ихъ соборная дѣятельность совершалась подъ постояннымъ бдительнымъ контролемъ государя, или поставленныхъ имъ для этаго нарочитыхъ лицъ. Дѣлая тѣ или другія соборныя постановленія и рѣшенія, архіереи не имѣли въ то же время полной увѣренности, что ихъ соборныя постановленія получатъ силу закона, будутъ проведены въ жизнь, такъ какъ это зависѣло исключительно отъ воли и усмотрѣнія государя, который могъ видоизмѣнить соборныя постановленія и даже совсѣмъ не согласиться съ ними, не одобрить ихъ и не утвердить, и тогда они уже не имѣли никакой дѣйствительной силы и значенія.—собора тогда какъ бы и не существовало.

При указанныхъ условіяхъ конечно не возможно ожидать, чтобы наши іерархи могли проявить на соборахъ какую-либо свою инициативу; свое личное отношеніе къ современному имъ положенію церковныхъ дѣлъ, — стѣсненные во всемъ и со всѣхъ сторонъ, они по необходимости двигались только по указанному имъ пути, казенно-канцелярски дѣлали порученное имъ дѣло; присутствуя на соборѣ, они только отбывали лежавшую на нихъ неизбѣжную повинность, а не дѣлали здѣсь своего личнаго, сердечнаго, жи-

вого дѣла. И нельзя винить древне-русскихъ іерарховъ за ихъ всегдашнее пассивное отношеніе и подчиненіе свѣтской власти, за отсутствіе у нихъ инициативы и самостоятельности въ дѣлахъ церковныхъ, въ ихъ отношеніяхъ къ управляемымъ и пасомымъ. Такими ихъ создала и выростила сама русская церковная жизнь.

Московскій митрополитъ Исидоръ грекъ, отправившійся изъ Москвы на Флорентійскій соборъ, принялъ тамъ, отъ лица русской церкви, унію и былъ вполнѣ увѣренъ, что этотъ его шагъ не встрѣтитъ себѣ серьезнаго противодѣйствія со стороны русскихъ епископовъ и со стороны великаго князя, ради его молодости. „Князь великій младъ есть, глаголалъ папѣ Исидоръ, а епископы некнижны суть, боятца мене, не смѣтъ имъ о томъ со мною глаголати“¹⁾.

Увѣренность Исидора, что русскіе архіереи не рѣшатся возстать противъ уніи и пассивно пойдуть въ этомъ дѣлѣ за нимъ — Исидоромъ митрополитомъ, имѣла основанія и оправдалась на дѣлѣ. Никоновская лѣтопись рассказываетъ, что Исидоръ, возвращаясь изъ Флоренціи, останавливался въ Будимѣ, и оттуда послалъ „своя писанія“ „на всю Русь православнаго христіанства“, въ которыхъ открыто рекомендовалъ всѣмъ православнымъ принимать унію, а себя прямо называлъ „легатосъ отъ ребра апостольскаго сѣдалища“. Въ Москвѣ, значить, очень хорошо знали, еще до возвращенія Исидора, объ отступленіи его отъ православія. Между тѣмъ Исидоръ чрезъ Кіевъ неспѣша направился въ Москву, вездѣ при своихъ службахъ на пути поминалъ папу, вездѣ открыто заявлялъ о своемъ соединеніи съ латинствомъ и о необходимости присоединенія къ уніи всей Руси. Въ 1441 году Исидоръ наконецъ прибылъ въ Москву на третьей недѣлѣ великаго поста, торжественно служилъ въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, поминалъ на службѣ папу, велѣлъ протодіакону торжественно прочесть грамоту о соединеніи съ латинами, и передалъ о томъ же особую грамоту паны Евгенія великому князю. Далѣе Никоновская лѣтопись повѣствуетъ слѣдующее: „достоитъ же удивитися разуму и великому смыслу великаго князя Василія Васильевича, понеже о семъ Исидорѣ митрополитѣ вси умолчаша—князи и бояре и иніи

1) Бычкова, Опис. рукоп. имп. публ. библ. ч. I стр. 123—124

мнози; еще же паче и епископы рускіа вси умолчаша и воздремаша и уснуша. Единъ же сей богомудрый и христовлюбивый государь, великій князь Василій Васильевичъ, позна Исидорову прелесть пагубную и, скоро обличивъ, посрами его, и вмѣсто пастыря и учителя, злымъ и губительнымъ волкомъ назва его. И тако вси епископы рустіи, иже быша въ то время тогда въ Москвѣ, возбудишася, князи и бояре и вельможи и множество христіанъ тогда вспомянувши и разумѣша законы греческіа прежнія, и начаша глаголати святыми писаніи и звати Исидора еретикомъ. И тако князь великій Василій Васильевичъ возрадовался о согласіи епископовъ своихъ, и князей и бояръ и всѣхъ православныхъ христіанъ“ ¹⁾. Точно также говорить и Степенная книга, что обличителемъ митрополита Исидора былъ одинъ великій князь, „понеже тогда вси умолчаша, нетокмо князи и бояре и прочіе людіе, наипаче же и епископы рустіи, яко воздремаша и уснуша“. Только одинъ князь понималъ всю опасность для православія отъ дѣйствій Исидора и началъ противъ него дѣйствовать; за княземъ тогда потянулись и другіе, между ними и проснувшіеся епископы ²⁾.

Изъ приведеннаго лѣтописнаго разсказа слѣдуетъ, что если бы все дѣло веденія у насъ уніи зависѣло отъ однихъ только русскихъ епископовъ, какъ дѣло исключительно церковное, то въ виду того, что наши епископы „воздремаша и уснуша“, латинская унія у насъ могла бы быть введена Исидоромъ. Единственнымъ сознательнымъ ея противникомъ на Москвѣ оказался великій князь, который энергично возсталъ противъ Исидора и уніи, разбудилъ спавшихъ епископовъ, рѣшившихся, наконецъ, помогать великому князю въ его усиліяхъ отстоять русское православіе отъ покушеній на него со стороны латинства. Чѣмъ же объяснить это странное, пассивное, безучастное отношеніе русскихъ архіереевъ даже къ такому важному и близкому для нихъ дѣлу, какъ перемѣна православія у насъ на латинскую унію?

Митрополитъ Исидоръ говорилъ, что русскіе епископы не княжны, боятся его митрополита и не могутъ, какъ не княжны

¹⁾ Никоновская лѣтопись, ч. V, стр 146—156.

²⁾ Степенная книга, ч. II, стр. 11.

ные, съ нимъ говорить, т. е. оспорить его, доказать ему ошибочность и незаконность его воззрѣній и дѣйствій. Но одна некнижность и необразованность тогдашнихъ русскихъ архіереевъ не объясняетъ однако дѣла. Настолько-то наши архіереи вѣроятно понимали, что имъ никакъ не слѣдуетъ измѣнять православію и замѣнять его латинствомъ; для этого вовсе и не требуется какой-нибудь особой книжности, и некнижный человѣкъ всегда можетъ постоять за свои вѣрованія, за свою родную старину. Ссылка митрополита Искандора на другое обстоятельство: „что русскіе архіереи боятца мене, несмѣтъ имъ со мною глаголати“, имѣетъ болѣе серьезное значеніе и скорѣе можетъ объяснить, почему „епископы рустіи яко воздремаша и уснуша“. Тутъ дѣло, по моему мнѣнію, заключалось въ слѣдующемъ:

Русскіе архіереи вообще, съ самаго начала введенія у насъ христіанства и до послѣдняго времени, какъ высшіе представители нашей церкви, никогда не имѣли собственной архипастырской инициативы въ рѣшеніи церковныхъ дѣлъ; никогда у нихъ, и въ этой родной имъ сферѣ, не было никакого творчества на основаніи св. писанія, св. отцовъ и учителей церкви, и вообще на основаніи духа и разума православія и чисто мѣстныхъ религіозно-церковныхъ потребностей. Они всегда являлись и здѣсь только или сторонними зрителями совершеннаго другими, или пассивными оберегателями наличной церковной дѣйствительности, какая бы она ни была въ данное время. Это потому, что такъ ихъ воспитала, такъ ихъ пріучила относиться ко всякому встрѣчающемуся церковному дѣлу сама наша историческая церковная жизнь. Мы все церковное, до послѣднихъ мелочей, съ самаго начала у насъ христіанства, приняли отъ грековъ въ готовомъ видѣ, продолжали принимать отъ грековъ въ готовомъ видѣ все церковное и въ послѣдующее время. Если греческая церковь жила своею собственной творческою жизнію, если своимъ творчествомъ она создала извѣстныя церковныя формы, правила, постановленія, извѣстный строй и укладъ своей мѣстной церковной жизни, вносила въ него съ теченіемъ времени тѣ или другія измѣненія, вызываемыя новыми измѣнившимися условіями и потребностями своей исторически-культурной жизни: то наше русское дѣло было всегда не творить, подобно грекамъ, не создавать что-либо свое на

почвѣ христіанско-церковной мѣстной русской жизни, а только подражать, копировать, цѣликомъ переносить къ себѣ готовое греческое. Этому особенно благопріятствовало то обстоятельство, что все наше церковное управленіе, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, было подчинено константинопольскому патріарху, и самые наши митрополиты были греки, которые въ глазахъ русскихъ являлись не только представителями высшей церковной власти, но и представителями высшей культуры, высшихъ христіанскихъ знаній, высшей опытности въ сферѣ христіанско-церковной жизни, и потому имѣли у насъ высшій непререкаемый церковный авторитетъ, предъ которымъ некнижные русскіе архіереи только преклонялись, только въ точности по возможности исполняли то, что предписывала, на что указывала и что вводила у насъ высшая власть митрополита-грека. Русскій архіерей зналъ, что за него уже все придумали, сдѣлали и создали другіе, высшіе его по знаніямъ и церковной опытности, и привыкъ самъ ни о чемъ церковномъ не думать творчески, не дѣлать въ церковной сферѣ ни одного самостоятельнаго шага, привыкъ во всемъ смотрѣть на митрополита, отъ него ждать приказаній, распоряженій, рѣшенія встрѣчающихся вопросовъ и недоумѣній. Съ другой стороны, на всю нашу церковную жизнь, на весь церковный строй, воспринятый нами въ готовомъ видѣ отъ грековъ, онъ исторически приученъ былъ смотрѣть какъ на нѣчто совершенное, не терпящее никакихъ перемѣнъ, не допускающее никакого дальнѣйшаго движенія и развитія. Его архипастырская задача въ томъ именно и состоитъ, чтобы точно-рабски воспринимать это чужеземное готовое, вводить его безъ перемѣнъ въ русскую жизнь и не допускать въ ней никакихъ перемѣнъ, никакихъ отступленій отъ древне-греческаго образца. При возникновеніи у насъ своихъ церковныхъ вопросовъ, мы всегда брали только уже готовые, болѣе или менѣе подходящія къ данному случаю, нормы, формулы, рѣшенія и постановленія древне-греческія и, съ своей стороны, употребляли всѣ усилія, чтобы какъ-нибудь подвести, подогнать живой русскій вопросъ подъ отжившую часто греческую формулу, и не успокаивались до тѣхъ поръ, пока не успѣвали такъ или иначе втиснуть русское живое церковное явленіе въ рамки греческой церковной старины. Держать отнестись къ русской

жизни, къ ея своеобразнымъ запросамъ и требованіямъ самостоятельно-творчески, руководствуясь духомъ и разумомъ православной церкви, а неподражательностію и рабскою копировкою, мы никогда не отваживались, какъ будто въ русской церкви не дѣйствуетъ тотъ же Духъ Святой, Который дѣйствовалъ въ древне-греческой церкви и помогаль ей создавать свой церковный чинъ, уставъ, правила; какъ-будто Его просвѣщающее и вдохновляющее къ творческой дѣятельности воздѣйствіе закончилось, остановилось на старой Византіи и не можетъ уже открыть себя во всей силѣ въ самостоятельной творческой дѣятельности русской церкви. Мы даже всегда ставили и ставимъ себѣ въ особую чрезвычайную заслугу, что мы никогда ничего своего не производили и не производимъ во всю нашу историческую церковную жизнь, а только стараемся въ ней точно копировать то, что давали и даютъ намъ греки; мы сильно гордимся тѣмъ, что собственно русскаго во всемъ строѣ и порядкѣ всей нашей церковной жизни ничего нѣтъ, а все только принесенное въ готовомъ видѣ изъ старой благочестивой Византіи, и что отъ этого принесеннаго къ намъ мы никогда ни въ чемъ ни отступили ни на іоту. А все это необходимо убивало въ русскихъ архіереяхъ всякую инициативу и самостоятельность, дѣйствовало на ихъ энергію и творчество усыпляющимъ образомъ, такъ что они дѣйствительно могли быть „аки воздремаша и уснуша“ даже и въ то время, когда въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, въ ихъ присутствіи, торжественно провозглашалась унія съ латинствомъ.

Изъ сказаннаго понятнымъ становится, почему русскіе архіереи не проявили, по собственной инициативѣ, никакого противодѣйствія уніатскимъ затѣямъ своего митрополита. Они видѣли въ Исидорѣ человѣка, облеченнаго властію надъ ними самимъ вселенскимъ константинопольскимъ патріархомъ, видѣли въ немъ не только человѣка умнаго и свѣдущаго во всѣхъ дѣлахъ церковныхъ, но и человѣка широко образованнаго, какимъ и былъ въ дѣйствительности Исидоръ, уже ранѣе знакомый и находившійся въ перепискѣ съ тогдашними итальянскими гуманистами, къ которымъ онъ примыкалъ по своему умственному направленію и симпатіямъ, и не придававший, поэтому, особаго значенія въ роисповѣднымъ разностямъ между католиками и право-

славными. Борются съ такимъ человѣкомъ, за которымъ стояли цареградскій патріархъ и самъ императоръ, русскіе архіереи не могли и думать, а потому они пассивно-безирекословно оказывали ему привычное повиновеніе, не рѣшаясь возстать противъ него даже и тогда, когда онъ открыто сталъ вводить у насъ унію. И только когда противъ него вооружился великій князь, бывшіе въ это время въ Москвѣ архіереи, по выраженію лѣтописи, „возбудишася“, они „вспомнявши и разумѣша законы греческія прежнія“, стали теперь обличать Исидора и называть его еретикомъ. Великій князь, замѣчаеъ лѣтопись, „возрадовался о согласіи епископовъ“ дѣйствовать съ нимъ заодно противъ Исидора. Очевидно, великій князь сильно опасался, какъ бы русскіе епископы, при своей инертности, пассивности и трусливости, не остались въ этомъ дѣлѣ вѣрны старому, привычному для нихъ авторитету митрополита и не стали на его сторону противъ князя. Къ счастью этого не случилось; русскіе архіереи проснулись, или были разбужены, еще вовремя.

Паступаетъ, затѣмъ, въ нашей исторіи такой періодъ, когда русскіе митрополиты избираются уже только изъ русскихъ,—греки совсѣмъ перестаютъ принимать какое-либо непосредственное участіе въ нашихъ церковныхъ дѣлахъ. Русскіе архіереи, теперь представленные самимъ себѣ, могли свободно проявлять свое національное церковное творчество и самодѣятельность. Этого однако не случилось, такъ какъ у русскихъ архіереевъ не было нужныхъ для творчества силъ и средствъ: русскіе епископы были попрежнему некнижны и во всемъ пассивны, а потому попрежнему продолжали жить только заимствованнымъ чужимъ, и попрежнему желали опираться въ церковныхъ дѣлахъ на чей-либо сторонній авторитетъ, подчиняться какому-либо стороннему водительство. Этотъ авторитетъ, высшій руководитель епископовъ въ рѣшеніи церковныхъ дѣлъ, скоро и явился въ лицѣ великихъ князей, а потомъ царей московскихъ, которые, какъ знатоки церковныхъ дѣлъ, считали одной изъ своихъ главныхъ обязанностей наблюдать за теченіемъ всей церковной жизни, направлять ее по своему усмотрѣнію, давать церковнымъ дѣламъ то или другое рѣшеніе, при чемъ архіереямъ приходилось только одобрять и исполнять царскія повелѣнія.

Кромѣ крайней пассивности и угодливости нашихъ древнерусскихъ архіереевъ предъ свѣтскою властію, въ ихъ соборной дѣятельности замѣчается еще одна характерная черта. На нашихъ церковныхъ соборахъ поднимались иногда живые и важные потому времени вопросы, выдвигаемые настоятельными запросами самой жизни, стремленіями ея улучшить въ томъ или другомъ отношеніи. Такіе живые, имѣвшіе для всей общественной жизни особую важность вопросы, исходили однако или снизу—отъ какихъ либо уважаемыхъ старцевъ—иноковъ, или отъ представителей блага духовенства, или же сверху—отъ государя, но никогда они не исходили изъ архіерейской среды.

Такъ въ извѣстномъ письмѣ „о нелюбкахъ“ между заволжскими старцами и іосифлянами говорится, что уважаемые всѣми, и самимъ великимъ княземъ, старцы—Паисій Ярославовъ и его ученикъ Ниль Сорскій, присутствовавшіе на соборѣ о вдовыхъ попахъ и дьяконахъ, когда соборъ покончилъ съ этимъ вопросомъ, внесли отъ себя предложеніе, чтобы монастыри не владѣли селами. „И егда совершися соборъ о вдовыхъ попѣхъ и діаконѣхъ, говоритъ письмо „о нелюбкахъ“, и нача старецъ Ниль глаголати, чтобы у монастырей сель не было, а жили бы чернцы по пустынямъ, а кормили бы ся рукодѣліемъ: а съ ними пустынники бѣлозерскіе. И сіе слышавъ игуменъ Іосифъ нача имъ вопреки глаголати“¹⁾. Такимъ образомъ очень важный для того времени и очень живой вопросъ о правѣ монастырей владѣть крестьянами, такъ долго и сильно волновавшій потомъ тогдашнее общество, вызвавшій страстную борьбу и горячую литературную полемику, былъ возбужденъ на соборѣ извѣстными старцами, причемъ старцами же велась и вся дальнѣйшая борьба и полемика по данному вопросу. Архіереи, съ своей стороны, стали въ этомъ вопросѣ на сторону „стязателей“ т. е. тѣхъ, которые защищали и отстаивали право монастырей владѣть крестьянами, хотя это требованіе находилось въ полномъ противорѣчьи съ идеею всецѣлаго монашескаго нестяжанія и отреченія отъ всего мірскаго, хотя владѣніе крестьянами дѣйствовало на всю монашескую жизнь самымъ вреднымъ и прямо разлагающимъ образомъ.

¹⁾ Приб. къ твор. св. отцовъ, т. X, стр. 505

Но этого мало. Тогдашніе іерархи не только не стали на сторону идей преп. Нила Сорскаго, какъ бы имъ слѣдовало, но даже открыли рѣшительное преслѣдованіе монаховъ нестяжателей и ихъ сторонниковъ, всячески усиливаясь представить ихъ чуть не еретиками, и это единственно потому, что и сами архіереи въ обиліи тогда владѣли крестьянами. Такимъ образомъ своихъ дѣйствій въ данномъ вопросѣ тогдашніе іерархи ясно показали, что для нихъ личные матеріальные интересы были выше и важнѣе правильной, нормальной постановки жизни тогдашняго монашества, къ чему стремился преп. Ниль Сорскій и его послѣдователи.

На томъ же соборѣ 1503 года, который рѣшалъ вопросъ о вдовыхъ священникахъ и дьяконахъ, былъ выслушанъ протестъ ростовскаго вдоваго священника Георгія Скрипицы, въ которомъ онъ горячо возставалъ противъ приговора собора, запретившаго всѣмъ вдовымъ священникамъ и дьяконамъ, безъ различія ихъ жизни и поведенія, священнодѣйствовать, исключая того случая, когда они примутъ иноческое постриженіе и тогда имъ разрѣшалось отправлять церковныя службы въ монастыряхъ. „Вы осудили, говорилъ Скрипица, присутствовавшимъ на соборѣ іерархамъ, всѣхъ іереевъ и дьяконовъ, настоящихъ и будущихъ, за смерть ихъ женъ; но въ смерти они неповинны, смерть наводитъ Богъ... Вы положили въ церкви вѣчную вражду между собою и священниками: какъ же дерзаете входить въ святой алтарь?.. Зачѣмъ вы смѣшали добрыхъ съ злыми, и не разлучивъ злыхъ отъ праведныхъ, велите постригаться въ монашество, чтобы священнодѣйствовать?.. И вашему собору кто не подивится, кто не посмѣется въ чужихъ земляхъ, услышавъ, что іереямъ и дьяконамъ, по смерти женъ, запрещено служить?.. Вы говорите: мы совершили то ради благочестія, очищая церковь, такъ какъ попы вмѣсто женъ держатъ наложницъ. Но разсудите, отъ кого то зло стало въ нашей землѣ; не отъ вашего-ли нерадѣнія, что вы злыхъ не казнили, не отлучали отъ священства? Господа священноначальницы, смѣло заявлялъ Скрипица, благословно ни вы сами, ни священники избранными, не дозиаете священникомъ, а во грады и села не посылаете опытовати, какъ кто пасеть церковь Божию; назираете священниковъ по царскому чину земнаго царя: бояры и дворецкими, недѣль-

щики, тѣны и доводчики, своихъ дѣля прибитковъ, а не по достоянію святительскому. Апостолъ пишетъ: служащій олт-тарю, со алтаремъ содѣлаются. И вамъ достоитъ пасти цер-ковъ священниками богобоязневными, а не мірскимъ воин-ствомъ“¹⁾. Этотъ горячій и вполне справедливый по суще-ству протестъ священника Георгія Скрипицы противъ поста-новленія собора, незаконно запретившаго всѣмъ безъ исклю-ченія вдовымъ священникамъ и дьяконамъ священнодѣй-ствовать, его вполне справедливое указаніе на крайнюю не-нормальность тогдашняго епархіальнаго управленія, которое архіереи, ради своихъ матеріальныхъ выгодъ, вели исклю-чительно чрезъ своихъ свѣтскихъ служилыхъ людей,—не былъ принятъ однако во вниманіе архіереями, которые отне-слись къ нему совершенно индифферентно, не придавъ ему никакого значенія, хотя этотъ протестъ былъ, очевидно, воплемъ отчаянія людей несправедливо обиженныхъ и по-стоянно притѣсняемыхъ.

И такъ, въ древне-русскихъ архіереяхъ XVI и XVII сто-лѣтій, какъ дѣятеляхъ на церковныхъ соборахъ, мы видимъ полную безличность и крайнюю угодливость предъ государ-ственной властію, которая создавъ имъ по правамъ, власти и экономическому положенію исключительно привилегиро-ванное положеніе въ государствѣ, сдѣлавъ ихъ богатыми, важными и властными государственными сановниками, вза-мѣнъ этого требовала отъ нихъ полного послушанія себѣ, ревностнаго безпрекословнаго служенія своимъ видамъ и цѣлямъ. Древне русскіе архіереи, при такихъ условіяхъ, не-обходимо и неизбежно сдѣлались, и на церковныхъ собо-рахъ, только простыми орудіями въ рукахъ свѣтской власти, проводили въ жизнь только то, что приказывала имъ госу-дарственная власть даннаго времени. Понятно также, что архіереи-сановники никогда и не думали являться на цер-ковные соборы съ какими либо своими протестами, планами, запросами, вытекавшими изъ ихъ положенія какъ архипасты-рей церкви, и въ чемъ либо несогласными съ видами и цѣлями свѣтскаго правительства, милостью и благоволеніемъ котораго опредѣлялось ихъ особое положеніе.

Но если наши патріархи и всѣ вообще архіереи древней

¹⁾ Чтен общ. ист и древн. 1848 г № 6, смѣсь, стр 48.

Руси, со времени возникновенія сильнаго московскаго царства, во всемъ, всегда и всецѣло зависѣли отъ государственной власти, то всетаки, несмотря на это, ихъ вліяніе въ то время, какъ верховныхъ представителей церкви, несомнѣнно было гораздо сильнѣе и замѣтнѣе на всю нашу общественную жизнь, чѣмъ въ послѣдующій синодальный періодъ. Особенно въ лицѣ патріарховъ наша церковь пользовалась тогда со стороны свѣтской власти большимъ почетомъ, вниманіемъ и уваженіемъ, чѣмъ это было послѣ учрежденія св. Синода. Но это явленіе, которое обыкновенно приписываютъ самому факту существованія у насъ патріаршества, объясняется однако совершенно другими обстоятельствами, къ которымъ существованіе или несуществованіе у насъ патріаршества, не имѣло собственно никакого прямого отношенія. Дѣло тутъ заключалось единственно въ слѣдующемъ: наши государи московской Руси были обыкновенно завязаны, истинными церковниками, воспитывавшимися на неопустительномъ посѣщеніи разныхъ церковныхъ службъ, на строгомъ соблюденіи во всемъ, начиная съ своей обыденной домашней обстановки, церковнаго устава, разныхъ церковныхъ постановленій и требованій. Они обучались, какъ и всѣ тогда, по псалтири, прочитывали, въ видахъ своего развитія и обогащенія знаніями, извѣстный кругъ церковно-богослужебныхъ и церковно-учительныхъ книгъ, сборники изъ св. отцовъ и учителей церкви, разные житія святыхъ, благочестиво-назидательныя сказанія и хронографы. Благодаря чему благочестивые московскіе государи нерѣдко были хорошими вачетчиками, знали церковный уставъ и всѣ церковныя службы со всѣми ихъ малѣйшими особенностями не хуже любого архіерея и, въ концѣ концовъ, какъ знатоки и горячіе любители всего церковнаго, которое всегда было для нихъ самымъ близкимъ и дорогимъ. Въ высшей степени интересовались всѣми малѣйшими подробностями церковной жизни, обязательно вмѣшиваясь въ ея ходъ и событія. Вопросы о хожденіи посолонь, о сугубой и трегубой аллилуйи, о церковныхъ звонахъ, о единогласіи или многогласіи въ церковномъ пѣніи, о сложеніи тѣхъ или другихъ перстовъ для крестнаго знаменія и т. под.,—все это для нашихъ московскихъ государей были настолько живые, близко затрагивающіе ихъ вопросы, что они интересовались ими

никакъ не менѣе вопросовъ чисто государственныхъ, и потому принимали въ ихъ рѣшеніи самое горячее и дѣятельное участіе, такъ что иногда очень трудно бываетъ провести точную грань: гдѣ былъ царь и гдѣ былъ архіерей, гдѣ было дѣло государственное и гдѣ церковное. Но если церковная жизнь, съ ея специальными требованіями и уставами, имѣла для московскихъ государей доминирующее значеніе, то вполнѣ естественно было, что и высшій представитель этой жизни, сначала митрополитъ, а потомъ патріархъ, обязательно долженъ былъ занимать тогда, безотносительно къ носимому имъ титулу, очень видное, почетное и, при тактѣ и умѣннн, очень вліятельное положеніе при царскомъ дворѣ, тѣмъ болѣе, что и всѣ окружающія царя и близкія къ нему лица стояли на томъ же самомъ уровнѣ пониманія и интересовъ, всѣ то же были болѣе или менѣе убѣжденными и искренними церковниками.

Если древне-русскій царь—церковникъ постоянно чувствовалъ потребность и нужду имѣть около себя близкое ему духовное лицо: патріархали, духовника-ли, или кого либо изъ другихъ духовныхъ, чтобы полнѣе удовлетворять свои религіозно-церковныя потребности, посовѣтываться съ нимъ о разныхъ дѣлахъ, побесѣдовать объ одинаково интересующихъ обоихъ церковныхъ и душеспасительныхъ предметахъ и т. п.; то со времени императора Петра 1-го обстоятельства рѣзко измѣнились. Наши государи стали воспитываться уже совершенно иначе, нежели ихъ московскіе предшественники, а вслѣдствіе этого у нихъ образовался на все иной кругъ воззрѣній, иное пониманіе окружающаго, иные вкусы, интересы и потребности, очень далекіе отъ прежнихъ, при чемъ и прежняя древне-русская церковность необходимо все болѣе и болѣе отодвигалась на задній планъ, а вмѣстѣ съ нею отдалялись отъ царскаго дворца и ея представители, скоро и совсѣмъ забывшіе прежнюю торную, ранѣе всегда открытую для нихъ, дорогу во дворецъ.

Такимъ образомъ изъ всего сказаннаго нами оказывается, что въ древней Руси, со времени образованія у насъ сильнаго московскаго царства, наши государи всегда и всецѣло держали церковную власть въ своемъ полномъ подчиненіи и распоряженіи въ лицѣ ея высшихъ представителей—сначала митрополитовъ, а потомъ патріарховъ, а также въ лицѣ

всѣхъ епархіальныхъ архіереевъ и самыхъ церковныхъ соборовъ. Такой порядокъ дѣлъ всѣми признавался тогда правымъ, законнымъ и нормальнымъ, вполне сросся съ нашею жизнію, съ представленіемъ о царѣ и его отношеніи къ церкви, такъ что иного отношенія между церковью и государствомъ у насъ и не представляли. Только Никонъ такія отношенія власти государственной къ власти церковной находилъ неправыми, незаконными, несогласными съ божественными законами, почему онъ и поставилъ главною задачею своего патріаршества уничтожить эти ненормальныя отношенія между церковью и государствомъ и замѣнить ихъ новыми, согласными съ святыми, божественными законами. Какъ Никонъ выполнилъ эту задачу, для осуществленія которой онъ только и рѣшился принять санъ московскаго патріарха, увидимъ изъ послѣдующаго.

Н. Кантарева.
